

(05)
-66

Р О С С И Й С К И Й
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

РОДИНА

10 | 2007

WWW.
ISTRODINA.
.COM

ПРАЗДНИК
ВОСКРЕСЕНИЯ
РОССИИ

РУССКИЙ МИР:
МЕТАФОРА
И РЕАЛЬНОСТЬ

"СЛОВО О ПОЛКУ
ИГОРЕВЕ"
АЛЕКСАНДРА
ЗИМИНА

НЕИЗВЕСТНАЯ
КРАСНАЯ АРМИЯ

ЛИКЁР
"СЛЁЗЫ КАРАХАНА"

СОВЕТСКИЕ
ДОМА ТЕРПИМОСТИ

СВЕТОПИСЬ
ПЕТРА ОЦУПА

ОКТЯБРЬ
17-го ГОДА

ОТРАЖЕНИЯ

Александр ШУБИН,
доктор исторических наук

КАК ОБОЙТИСЬ БЕЗ ЛЕНИНА И ТРОЦКОГО

Левая альтернатива большевистской диктатуре в 1917 году

Тема исторических альтернатив у части учёных вызывает привычное возражение: «История не знает сослагательного наклонения». Однако эта догма превращает историю из науки в перечисление событий, которые случились фатально и не могли не случиться. Но научный подход требует анализа различных возможностей — как реализовавшихся, так и отвергнутых. История знает сослагательное наклонение, но как наука она требует осторожности. Количество альтернатив ограничено, закономерности исторического развития не дают им расходиться в фантастические дали. Но всё же они существуют в нашей жизни и требуют научного рассмотрения. Периоды, когда общество встаёт перед серьёзными альтернативами, как витязь на распутье, встречаются нечасто. Но русская революция 1917–1922 годов, 90-летие начала которой приходится на нынешний год, очевидно, относится к их числу.

ЛИБЕРАЛЫ И ШАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

В революции победили большевики во главе с Лениным. Отвечая на вопрос «почему?», историки привычно фокусируют внимание на социальных предпосылках, тактике большевиков и личности их вождя. Но победа Ильича должна быть осознана как поражение его противников. Именно крах их политической линии расчистил Ленину дорогу к победе. Общим местом стало утверждение, что в 1917 году власть «валялась на улице». Но она была там не весь год, что Ленину убедительно показало июльское поражение. Власть «купала на улице», и мы увидим, что произошло это только в конце сентября.

После февральского старта Великой российской революции власть получили либералы. Современная мода на державность и либерализм превращает конституционных демократов в любимцев исторической публицистики, которая рассуждает о неразумии народа, отвергнувшего мудрых кадетов. Но апрельский кризис показал, что для победы идеи Павла Милюкова сначала должен победить Лавр Корнилов (или какой-то другой «белый» генерал с праволиберальными идеями), способный подавить структуры социальной революции — советы и другие формы низовой самоорганизации. В апреле 1917-го правая альтернатива столкнулась с неприятием реформ в интересах элиты. В

августе новая попытка остановить социальную революцию кончилась новым крахом. И, наконец, уже в условиях Гражданской войны, даже когда большевики возбудили против себя мощные крестьянские движения, когда они были изолированы от других левых сил, а за спиной белых генералов маячила поддержка Антанты, Белое дело снова провалилось. Против Белого дела крестьянство, не говоря уже о рабочих, выступало решительнее, чем против большевиков. Либеральная и консервативная альтернатива большевизму в условиях революции могла победить только чудом. Значит, есть смысл внимательнее присмотреться к левой альтернативе большевизму.

СОЦИАЛИСТЫ И ЛЕНИН

Из-за войны и революционных событий усиливался экономический кризис, ухудшавший и без того тяжёлое положение основной массы населения. Это порождало массовое отчаяние, стремление к быстрым и решительным мерам, качественно изменяющим общество — социальный радикализм. Силой, которая взяла на себя лидерство в наиболее радикально настроенных солдатских и рабочих слоях, стали большевики.

Особое значение для судей революции имело возвращение в страну Ленина. Сразу же по прибытии в апреле 1917-го он стал решительно менять соотношение политических сил. Вопреки сопротивлению более

П. А. Очуп. Отряд красногвардейцев у Смольного перед отправкой на выполнение боевого задания. Петроград. Октябрь 1917 г.
ГРАФД.

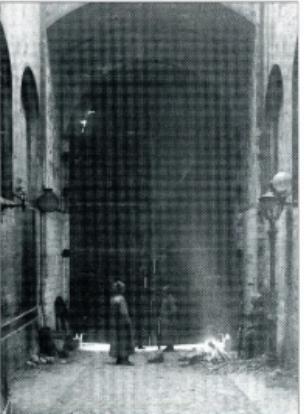
умеренных лидеров большевизма (Каменева и других), Ленин настоял на новом курсе — на социалистическую революцию.

Концепция апрельских тезисов была охарактеризована газетой «Единство» (редактор Плеханов) как «бредовая», игнорирующая условия места и времени. Плеханов утверждал: «Устранение капиталистического способа производства никак не может стать у нас очередным историческим вопросом. Этому можно радоваться; этим можно гордиться. Но кто не утопист, тот обязан руководствоваться этим в своей практической деятельности². Плеханов был поддержан большинством социал-демократических идеологов. Многие из них доживут до того времени, когда большевики сумеют практически извести в своей стране частную собственность и капиталистический рынок. Обстоятельства «места и времени» посмеялись над социал-демократической схемой поступательного изживания капитализма. «Перерастание» революции в новую, социал-этатистскую fazу получило в образе партии большевиков свой локомотив. «Поеzd», к которому следовало прицепить этот «локомотив», был система советов. Но в «поезде» этом ехала далеко не вся Россия.

Умеренные социалисты (эсеры и меньшевики), доминировавшие в советах до осени 1917-го, осознавали, что органы низового самоуправления не представляют большинства населения. Но, заступаясь за пассивное большинство, пытаясь подвести под государственные решения как можно более широкую социальную базу на выборах в Учредительное собрание, умеренные рисковали потерять поддержку активного меньшинства населения, от которого в условиях революции зависела судьба власти. В то же время социальные преобразования с опорой на отмобилизованное радикальное меньшинство могли привести к широкомасштабной Гражданской войне с теми слоями, интересы которых будут прогнированы в ходе преобразований. Маневрируя, умеренные социалисты вплотную подошли к одной крайности, а большевики — к другой. Но не раз в июне—ноябрь 1917 года возникла ситуация, при которой была возможна и «золотая середина» синтеза самоуправления и общецарственной демократии, радикальных социальных преобразований и общественного согласия относительно их направления и форм.

СОЦИАЛИСТЫ У РУЛЯ

Уже в апреле произошли столкновения между сторонниками и противниками политики Временного правительства. Стало ясно, что если в правительство будут входить лидеры только одного узкого сектора общества —

П. А. Оцуп. Карапуц у ворот Московского Кремля. 1917 г. РГАКФД.

либерального, то это может быстро привести к Гражданской войне. Правительство должно было опираться на более широкие слои — в том числе и на те, что были объединены советами.

5 мая Временное правительство было реорганизовано — в него вошли социалисты, лидировавшие в Петроградском совете, — Виктор Чернов, Михаил Скobelев, Ираклий Церетели, Александр Пешеконов. Два министерства возглавил Александр Керенский. Чернов заявил об ответственности социалистических министров перед советами и даже назвал съезд крестьянских советов «нашим социалистическим Учредительным собранием»³.

Считалось, что представители социалистических партий представляют в власти «демократию». Но массы на улицах могли принять министров своими, лишь если те начнут действовать в их интересах.

До 1917 года меньшевики отрицали возможность своего участия в правительстве на этапе буржуазной революции. Но вхождение в правительство «национального единства» уже опровергли их авторитетные западные коллеги — особенно во время войны. Во власть пошли не теоретики, а практики меньшевизма. Они не собирались строить социализм. Но задачи создания социального государства и государственного регулирования оказались ко времени, ими социал-демократы «имели право» заняться, не претендуя на то, что они создают социализм. Меньшевик Церетели провозглашал: «Если государственная власть в единении с демократией не примет решительных мер к организации производства, кризис неизбежен»⁴. Эсер Чернов утверждал, что Мини-

стерство продовольствия разрастётся в Министерство снабжения. После входления социалистов в правительство казалось, что реформы вот-вот начнутся.

К середине мая экономический отдел исполнкома Петровского, который возглавил ведущий экономист меньшевиков В. Громан, подготовил предложения по реформированию народного хозяйства. 16 мая они были одобрены исполнкомом Петровского, то есть лидерами умеренных социалистов. Резолюция требовала «непреклонной решительности в деле сознательного государственного вмешательства в народно-хозяйственные и социальные отношения». Иначе — катастрофа. Меньшевики отходили от регулирования экономики с этатизмом (недаром в 1920-е годы тот же Громан стоял одним из авторов плана первой пятилетки). Руководство хозяйством по их проекту должно было быть сосредоточено в руках Комитета снабжения, потирающего все ведомства, отвечающие за снабжение армии и населения. Предполагалась государственная монополия не только на хлеб, но и на другие продукты широкого потребления (мясо, соль, кожу); добыва угля и нефти, производство металла, сахара и бумаги сосредотачивались в рамках государственных трестов. Цены зафиксированы, банки поставлены под контроль государства, трудовые ресурсы будут распределяться Министерством труда⁵.

Автором проекта казалось, что сосредоточение всей власти в руках такого бирократического монстра покончит с ведомственностью и хаосом распределения. Опыт развития советской экономики показывает, что эти надежды были наивны. Но проект Петровского имел принципиальное отличие от практики СССР — государственное управление предполагалось построить на демократическом базисе. В центре и на местах планировалось создать экономические советы из представителей общественных организаций, которые будут обсуждать и вырабатывать планы, реализуемые структурами управления и регулирования хозяйства. Экономический совет призван был стать «экономическим мозгом» страны⁶. Неизвестно, насколько такие структуры могли бы поставить под контроль хозяйственную бюрократию. Но опыт XX века свидетельствует также и о том, что в условиях распада капиталистического рынка (а в России в 1917-го происходило именно это) без решительного государственного регулирования не обойтись. Несмотря на все издергки бирократической экономики, просто бездействие и надежды на рыночную стихию более разрушительны.

По мнению Громана, высказанному на заседании рабочей секции I съезда Советов, «настала последняя минута, когда государство должно, наконец, поставить и немедлен-

но приступить к осуществлению грандиозной задачи организации народного хозяйства. От анархического производства необходимо перейти к организованному производству по заданиям государства с тем, чтобы были использована максимальная производительность национального труда».

Предложения Петровского от 16 мая были проигнорированы Временным правительством. Министры-социалисты не стали настаивать на их проведении в жизнь и этим фактически обесценили своё вхождение в правительство с точки зрения интересов социалистического движения. Умеренные социалисты утробили и расширили свои предложения и на I съезде Советов, и на Государственном совещании, а правительство продолжало стоять на страже частной собственности, что погружало страну в экономический хаос. Министры-социалисты понимали, что бездействие означает катастрофу, — и бездействовали. Катастрофа явилась осенью — что же винить в этом одних большевиков?

Эсеры не были скованы марксистской социологической схемой и стремились начать движение к социализму здесь и сейчас. Но только для лидеров партии путь этого представлялся длительным, и в России начать его следовало с аграрной реформы. Именно на неё и сосредоточились эсеры в рамках разделения труда с меньшевиками.

Однако министры-эсеры (за исключением Чернова) также отказывались от проведения социальных преобразований. В чём здесь причина?

Лидеры революционно-демократических партий всю жизнь боролись за социальные преобразования. Эсеры считали, что момент их прихода к власти будет стартовой точкой радикальной аграрной реформы с последующим движением к социализму. И вот теперь, оказавшись у власти, они воздерживались от проведения преобразований дозыва Учредительного собрания. Почему? Первое объяснение — война: «Если войну необходимо продолжать, то для этого необходимо было единение всех «живых сил страны», как тогда говорили, а такая «живой силой» считалась тогда и буржуазия, — воспроизводил логику лидеров партии эсеров член её ЦК Н. Быховский. — Отсюда необходимость хотя бы временного соглашения с буржуазией, во имя интересов войны, защиты отечества... Для продолжения войны необходимо были займы союзников, а при полном устранении от власти «цензовых элементов» союзники не доверили бы нам своих средств. Далее, интересы внешней войны требовали недопущения Гражданской войны внутри страны, а немедленный захват земли мог вызвать такую войну, ослабить фронт и боеспособность армии, командный состав которой состоял в огром-

ной части своей из представителей буржуазного класса».

Эти мотивы действительно высказывались в дискуссиях социалистических лидеров, но они выглядят как отговорка. Солдаты в окопах уже знали, что раньше они сражались за «интересы капиталистов». Теперь им нужно было показать, что они должны защищать и свои интересы, и отказ от преобразований порождал разочарование и разлагал армию сильнее всяких пораженцев.

Ссылки на союзников ещё менее основательны — ради сохранения России в коалиции они были готовы терпеть социалистическое правительство без «цензовиков». Умеренные социалисты вообще преувеличивали влияние цензовых элементов в стране и уж тем более их способность развернуть Гражданскую войну в условиях единства левых сил. Социалисты видели в разрыве с буржуазией опасность экономического саботажа, утечки капиталов. Но она происходила несмотря на присутствие цензовиков в кабинете. Опасались и отсутствия поддержки справа в борьбе против большевизма. Похоже, это обстоятельство и было решающим. Возражая Чернову, разочаровавшемуся в союзе с кадетами, член эсеровского ЦК А. Гоц говорил: «Слава большевиков травят десять «министров-капиталистов», требуют, чтобы мы от них «очистились», то есть остались без союзников и скатились им прямо в пасть».

Чернов видел необходимость проведения социальных преобразований как можно скорее, но был уверен, что их может провести только широкий фронт «демократии» — эсеры, меньшевики, демократические пар-

тии и организации, которые не преследуют социалистических целей, но готовы (в отличие от кадетов и октябрьских) поддерживать социально ориентированные меры.

Однако партии эсеров и меньшевиков имели в своём составе правые крылья, которые тяготели к союзу с кадетами и выступали категорически против революционных преобразований, а справа от эсеров начиндалась «сфера влияния» кадетов, взгляд которых на демократию принципиально отличался от социалистического — они настаивали на защите принципа частной собственности и на ликвидации советов и связанных с ними низовой самоорганизации. Убеждая союзников справа в необходимости активизировать реформы, Чернов и другие эсеры-центристы простирали времена.

Попытки Чернова как министра земледелия привести хотя бы скромные земельные преобразования в духе требований съезда крестьянских советов встретили сильное сопротивление в правительстве и его бюрократическом аппарате. Чернов планировал пристановку «земельных сделок», посредством которых на народной власти может улечь между пальцев тот земельный фонд, за счёт которого может быть увеличено трудовое землепользование, и переход частной земли на учёт земельных комитетов, призванных на местах участвовать в создании нового земельного режима¹⁰. 29 июня Чернов внес в правительство соответствующий проект закона. Категорически против закона выступили кадеты и премьер-министр Георгий Львов. Только после июльского кризиса, 9 июля, закон всё же был принят с поправкой — земельные сделки разрешались, но требовали согласия губернского земельного комитета с утверждением министром земледелия¹¹. С такими оговорками за-

П. А. Оцуп. Баррикады на Лубянской площади в Москве. 1917 г. РГАФОД.

кон фактически блокировал земельные махинации. 12 июля Временное правительство разъяснило, что совершившиеся после 1 марта сделки не будут учитываться при проведении реформ, одобренных Учредительным собранием. Но это был предел вторжения в отношения собственности, на которое пошло коалиционное правительство в аграрной сфере.

А в условиях социально-экономического кризиса и роста радикальных настроений требовались гораздо более существенные меры и опора реформаторов на самоорганизацию народа. В ряде регионов крестьяне стали захватывать помещичьи земли, происходили столкновения с войсками, что компрометировало эсеров в глазах крестьян.

Коалиция либералов и социалистов становилась несовместимой с реформами и вела февральский режим к катастрофе.

РОССИЙСКИЙ ВЫБОР

Таким образом, перед страной встал дилемма — сохранение либерально-социалистической коалиции до Учредительного собрания или создание однородного (без кадетов) правительства «демократии» из всех советских партий, ответственного перед Съездом Советов или его органами.

Первый путь был связан прежде всего с именем Керенского. Он первым из лидеров социалистических партий вошёл в правительство, а после июньского кризиса возглавил коалиционный кабинет. Он настойчиво отставлял коалицию с либералами иставил перед революцией прежде всего политico-правовые, а не социальные задачи. Второй путь отставался группой политиков от лидера эсеров Чернова до лидера правых большевиков Каменева. Между этими политиками были свои различия. Чернов выступал за создание правительства с явным преобладанием социалистов, которое проводит решительные демократические преобразования (в том числе социальные), принимает меры к скорейшему заключению мира и опирается на Предпарламент, в котором представлены советы, массовые социальные организации (профсоюзы, кооперативы) и новые, избранные всем населением земства. Левый фланг, представленный левыми эсерами, меньшевиками-межрайонцами и правыми большевиками, выступил за однородное социалистическое правительство (вообще без несоциалистов), ответственное перед съездом Советов.

Идея однородного социалистического

П. А. Оцип. Похороны жертв Февральской революции.
Петроград, Март 1917 г. РГАКФД.

правительства была прямо высказана левым крылом ПСР 4 июня на заседании эсеровской фракции I съезда Советов. Но когда левые предложили обсудить возможность «взять власть в руки социалистов»¹², им ответили, что демократия для этого ещё слаба, правительство не сможет вывести страну из кризиса и трудающиеся будут недовольны эсерами. Стремление сохранить партийное единство сковывало сторонников левой коалиции в ПСР, и оно же блокировало усилия правых большевиков, поскольку их товарищи по партии скептически относились к идеи союза с «соглашателями».

Сторонники левого правительства, принаследжившие к разным партиям, не сумели согласовать свои планы (здесь сыграл огромную роль субъективный фактор — нерешительность одних политиков, маловлияние других, взаимное, часто чисто личное недоверие и неприязнь друг к другу у третьих). Чернов не пошёл наближение с левыми эсерами и вообще в решающие моменты проявлял колебания, потому что боялся разрыва со старыми товарищами по партии. Ведь если создавать однородное демократическое правительство (а на это были согласны и правые большевики), то придётся не только расстаться с Керенским, но и вступить в конфликт с правым крылом эсеров. Пройдя огонь, воду и медные трубы, ветераны партии меняли взгляды в разных направлениях, но прошлое в большей степени связывало Чернова с правым крылом ПСР, ориентировавшимся на Керенского, чем с левыми, искашившими компромисса с грубыми и агрессивными большевиками. Чернов считал невозможным «отдать» «бабушку русской революции» Брешко-Брешковскую и Авксентьеву (а значит, и мартовского эсера Керенского, которого сам же публично критиковал): «Я не намерен ломом разру-

шить то здание, которое мы — куча людей — строили по камням»¹³.

Чернов продолжал настаивать: «Социалисты должны сказать, что нужна коалиция не только с социалистами, но и просто с демократами, с которыми нам по пути до известного предела»¹⁴. Если социалисты возьмут власть одни, без буржуазии, как предлагают большевики левые эсеры, то им скажут «Где же ваш социализм?». Получалось, что партнёры нужны социалистам для того, чтобы сваливать на «общедемократов» недостатки системы. Этот фактор мог стать не столь важным по завершении предвыборной кампании в Учредительное собрание, но до него довел над партийными лидерами.

Каменев и Зиновьев, временами добиваясь преобладания в большевистском ЦК, не могли противостоять волевому напору Ленина и радикальным настроениям петроградского актива своей партии. В итоге левосоциалистическая альтернатива оказалась «растянута» между фракциями разных партий. Связующая нить левого лагеря лопнула, и его края стремительно стали сплюзовать к авторитаризму и вооружённой конфронтации, которая в 1918 году развернула большевиков и эсеров по разные стороны баррикад.

Но в начале июля и начале сентября 1917-го Ленин ещё мог быть вовлечён в левосоциалистическое правительство, что неизбежно повлияло бы на позицию партии большевиков. Ответственность правящей партии делает её несколько правее, умереннее. Но оба раза, когда большевики выражали готовность договариваться, умеренные социалисты отказались от шанса создать социалистическое правительство.

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Если сторонники левого блока были нерешительны и лишь постепенно приходили к выводу о необходимости разрыва с кадетами, то сторонники социал-либеральной коалиции были настойчивы и связанны с другим старым надпартийным связями. Ядром этой «надпартии» были правые социалисты и левые кадеты, представления которых о программе действий практически не различались и были выработаны ещё до революции в масонском кружке, к которому принадлежали глава правительства Керенский и левый кадет Николай Некрасов¹⁵. Керенский и его «кнадпартия» показали себя блестящими мастерами политической интриги. 3–5 июля, воспользовавшись всплы-

нужными в Петрограде волнениями, они предстали перед большевистскими демонстрациями мягким, оплаченным немцами¹. Больше-вики были разгромлены, а Ленин на несколько месяцев выведен из игры. 9 июля Керенский возвел правительство.

В августе стал расти политический авторитет генерала Корнилова, которого кадеты пытались использовать как таран против социальной революции. Керенский был готов принять его программу наведения порядка, но не лидерство генерала, который мог вернуть государственный руль дальше вправо. 27 августа Керенский фактически спровоцировал мятеж Корнилова, против которого сплотился широкий фронт левых сил. Большинство их не желало защищать правительство Керенского, но у них не было иного выбора. Корнилов был разгромлен.

Но всё это были пикировы победы. Россия раскололась на сторонников левого и правого курса, и Временное правительство оказалось зажато между ними. Каждый новый политический кубльбт приносил Керенскому тактический успех и приближал стратегический крах социал-либеральной группировки (нечто подобное повторилось и во время перестройки Горбачёва). Керенский терял поддержку уже и в партии эсеров, которую формально представляла в правительстве. Но он продолжал считать, что в случае новой угрозы слева сможет справиться с нарастающей социальной стихией прежними методами.

Между тем разгром Корнилова позволил большевикам восстановить свои позиции. Социальный радикализм прорывался сквозь щели обветшавшей конструкции «демократической» власти. Его энергию нельзя было просто загнать назад; её нужно было так или иначе канализировать: либо путём свержения Временного правительства, либо путём начала преобразований от его имени.

Фактическое одобрение выступления Корнилова кадетами стало последней каплей для социалистов. 27 августа лидеры эсеров и меньшевиков заявили о недопустимости коалиции с кадетами. 31 августа это решение подтвердили ЦК двух партий. Узнав об этом, Керенский был вынужден на время прекратить переговоры о создании новой коалиции и сформировать техническое правительство из пяти членов — Директорию.

Позунгом дня стало сплочение всех левых сил, включая большевиков. Чертёжи говорили на заседании Петросовета: «Как ни велики наши разногласия, Корнилов был встречен сплошной стеной демократии... Принципы единения должны быть сохранены». Для этого необходимо создать «единий революционный фронт». Этот призыв был услышан большевиками, но тогда выяснилось, что дальше призыва лидеры умеренных социалистов идти не готовы...

31 августа начался процесс, который Ленин затем расценил как «большевизацию советов». Петросовет принял предложенную большевиками резолюцию «О власти». Она была составлена в умеренных тонах, характерных для правых большевиков, и рассчитана на компромисс с радикализировавшимися эсерами и меньшевиками. Резолюция требовала отстранения от власти цензовых элементов (а не только кадетов) и создания её на новой основе. «Нетерпимы далее ни исключительные полномочия Временного правительства, ни его безответственность. Единственный выход — в создании из представителей революционного пролетариата и крестьянства власти, которая провозгласит демократическую Республику, отменит частную собственность на землю и передаст её в распоряжение крестьянских комитетов, введёт в общегосударственном масштабе рабочий контроль, национализирует важнейшие отрасли, введёт налоги на сверхдоходы, отменит тайные договоры и др.»². Практически все эти требования уже высказывались лидерами меньшевиков и эсеров. Такие предложения большевиков были явным шагом к компромиссу с социалистами.

Казалось, настал идеальный момент для создания однородного правительства социалистов (с большевиками или без), опирающегося на советы и другие общественные организации. Но его не мог возглавить Ке-

ренский, приверженец социал-либеральной коалиции. Его популярность стремительно падала, утиная за собой и «рейтинги» социалистических партий. Даже в руководстве ПСР стали приходить к выводу, что стране нужен другой премьер.

В первых числах сентября Ленин выступил с серией статей, открывавшихся работой с откровенным названием «О компромиссах». Ленин писал: «Союз большевиков с эсерами и меньшевиками против кадетов, против буржуазии... испытан только по одному фронту, только в течение пяти дней, 26—31 августа, во время корниловщины, и такой союз дал за это время полнейшую, с невиданной ещё ни в одной революции лёгкостью достигнутую победу над контрреволюцией, он дал такое сокрушающее подавление буржуазной, помещичьей и капиталистической, союзно-империалистической и кадетской контрреволюции, что Гражданская война с этой стороны развалилась в пух, превратилась в ничто в самом начале, распалась до какого бы то ни было «боя»...

Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы Гражданскую войну в России невозможной³. Таким образом будет «возможно и вероятно» мирное развитие революции.

Но умеренные социалисты оттолкнули протянутую руку. 8—10 сентября «Рабочая

П. А. Оцуп. Митинг 1-го пулемётного полка в здании Офицерского собрания.
Петроград, 1917 г. ГРАФД.

П. А. Ощуп. Июльская демонстрация в Петрограде. 1917 г. РГАКФД.

газета» и «Дело народа» выступили с критикой ленинской инициативы.

Эсеры и меньшевики вместо того, чтобы воспользоваться возникшим шансом остановить приближающуюся Гражданскую войну, решили дать большевикам политический бой в Петровском, что завершилось решительной победой большевиков. 25 сентября Петровский возглавил Троцкий.

Большевизация Петровского облегчила дело компромисса — умеренные социалисты, потерпев поражение, не желали дальше отступать. Теперь большевики согласились бы только на роль равноправных партнёров, а не это «вожди демократии» не рассчитывали. Эсеры и меньшевики лишний раз убедились, что их позиции в советах ослабевают, что на советы опасно опираться правительству. Но, разумеется, не это тактическое поражение определило позицию социалистов. Они рассчитывали создать леводемократическое правительство без кадетов и без большевиков, которое сможет начать преобразование само и тем дать дополнительные очки социалистам накануне выборов.

Ленин пронзировал готовность социалистов к компромиссу и убедился, что её нет. Это подтверждала и конфронтационная позиция социалистов в Петровском уже 9 сентября. 12 сентября Ленин отказывается от своих предложений и приходит к выводу: «большевики должны взять власть», причём с помощью восстания. Других средств преодоления кризиса нет».

Но Ленин находился далеко от Петрограда, в Финляндии. А реально руководившие партией Каменев и Троцкий попытались ещё раз надавить на социалистов в ходе Демократического совещания.

Неустойчивость власти заставляла побе-

дителей Корнилова искать возможности создания органа, который мог обеспечить более широкую опору правительству, играть роль парламента на время до Учредительного собрания. Надежды возлагались на созванное 14–22 сентября советами, партиями, профсоюзами, земствами, кооперативными и другими общественными организациями Демократическое совещание и избранный им Совет республики (Предпарламент). Совещание должно создать авторитетный «временный революционный парламент» (формулировка эсеров), который сформирует новое правительство и перед которым оно будет ответственно.

Но Демократическое совещание было сконструировано так, чтобы большевики и другие радикалы были уравновешены несоциалистами. По справедливому замечанию Чернова, «цензовики получили в нём представительство намного большее, чем то, которое им было потом дано выборами на основе всеобщего избирательного права»²¹. Однако это был результат той конструкции совещания, за которую выступил сам Чернов. Искусственный подбор участников обеспечивал центристам перевес над радикалами. Но левые центристы здесь переиграли сами себя, отдав преимущество правым центристам. А это похоронило сам замысел широкого левого фронта.

Правые большевики ещё надеялись, что социалисты не пойдут в Каноссу к кадетам. При обсуждении позиции Петровского на совещании Каменев делал реверансы в сторону Чернова, разоблачившего накануне политику правительства Керенского. Но под

влиянием ситуации в партии большевиков Каменев радикализовал требования по сравнению с резолюцией 31 августа: «Если мы хотим спасти Россию, мы должны сказать, что власть должна находиться в наших собственных руках — Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Не буржуазия и не единоличные правители»²².

На Демократическом совещании Каменев от имени большевиков поддержал идею создания однородного демократического правительства. Этой идеи была с теми или иными оговорками поддержана большинством делегатов. Мало кто хотел возрождения союза с партией кадетов, которая мало того что тормозила любые шаги влево, но и прямо сотрудничала с Корниловым. Более левое правительство, опирающееся на широкие демократические круги, вплоть до большевиков, имело все шансы дожить до Учредительного собрания. Даже без большевиков (но при сознании их правового крыла) социалисты-центристы могли создать жизнеспособную конструкцию временной власти, если бы Демократическое совещание действительно создало полновластный Предпарламент с левоцентристским большинством, опирающийся на правую часть советов и левую часть земств.

Страна ждала перемен, и это было важнее, чем включение в правительство большевиков и провозглашение власти советов. Большеевики не смогли бы свергнуть правительство, которое решительно перешло к выполнению программы «однородной власти». Им волей-неволей пришлось бы ждать нового кризиса уже этой новой политики, а это могло произойти уже после выборов в Учредительное собрание.

Судьбу революции определяло то, станет ли новое правительство проводить социальные преобразования или нет, будет оно идти навстречу требованиям «иззов», которые выдвигались через демократические структуры, или сохранит повисшую в воздухе бездеятельную коалицию. Представители социалистических партий уверенно обещали, что в новом правительстве не будет кадетов и оно начнёт выполнение программы реформ, оглашённой 14 августа на Государственном совещании от имени советов. Собственно, в этом заключался последний шанс демократии.

Однако представители земств и кооперативов, которых привлекли в качестве политического противовеса большевикам и «левого» дополнения к советам, в большинстве своём не хотели «однородной демократической власти». Это дало сторонникам коалиции опору в их борьбе против центристских лидеров социалистических партий.

После длительных переговоров за кулисами совещания Церетели отгласил резолюцию, в которой говорилось, что представительно-

му органу поручается «содействовать созданию власти», а не сформировать её. Более того, этот пункт допускал привлечение в правительство «цензовых элементов» (то есть правых партий) и пополнение Предпарламента их представителями¹. Это была очевидная сдвигировка в сторону Государственного совещания и докорниловской коалиции.

Наступил момент истины. Чтобы отстоять свои принципы, большинство членов ЦК эсеров и меньшевиков должны были отказаться от этой комбинации, а затем — от поддержки новой коалиции Керенского. Это вело бы к расколу социалистических партий. Ни Чернов, ни Мартов не решились на это. Большинство делегатов Демократического совещания проголосили плююю. Большеши и левые эсеры протестовали, но их возражения были отклонены. Стремясь сохранить партию в преддверии выборов, центристы капитулировали перед правым крылом социалистов.

22 сентября Керенский собрал на совещание по созданию новой коалиции тех, кого счётии нужными, — представителей Предпарламента, московских общественных деятелей и... ЦК кадетов. К 26 сентября они и согласовали правительство. Демонстративно сорвав планы создания более левого правительства, Керенский сохранил свою власть, но почти совершенно лишил правительство опоры. Считалось, что оно по инерции дотянет до выборов в Учредительное собрание.

Отказавшись создать широкую социалистическую коалицию без кадетов и с возможным участием большевиков, лидеры правительства потеряли опору в активной части общества как раз в тот момент, когда Керенский считал своё положение наиболее устойчивым. Он разгромил левые, июль и правых в августе, обвёл вокруг пальца наивных политических говорунов. Ему казалось, что ещё два месяца, и он торжественно откроет Учредительное собрание, проведя корабль демократии сквозь бури и грозы...

В реальности Керенский, заблокировавший социальные преобразования и отказавшийся делиться властью с «книнами», не пользовался поддержкой ни в армии, ни в обществе, ни в партиях, которые входили в правительство, ни в массовых организациях, представленных на Демократическом совещании. Керенский воспринималась как временная, переходная фигура, которая нужна для выборов. Лидеры предвыборной гонки не хотели заступаться за непопулярное правительство, чтобы не терять предвыборные очки. Вот-вот пройдут выборы, и тогда новая законная власть проведёт те социальные преобразования, которые сочтёти нужными. Оно-то, в отличие от нынешнего самоназначенного правительства, будет демократической, опирающейся на волю народа. Но как раз в это время большевики решили заме-

П. А. Оун. Красногвардейцы у броневика «Лейтенант Шмидт», захваченного у юнкеров. Петроград, 25 октября 1917 г. РГАФД.

нить одно самоназначенное правительство другим, даже более демократическим, опирающимся на съезд Советов.

Когда Керенский 24 октября предпринял самоубийственную атаку на большевиков и отряды красногвардейцев и матросов, принялись занимать объекты Петрограда при равнодушном нейтралитете большинства гарнизона, лидеры социалистических фракций прорвались на приём к премьеру, который как раз планировал новое блестящее подавление очередного мятежа. Предпарламент с тяжкими трудами только что принял резолюцию, требовавшую от Временного правительства немедленно принять декрет о земле (передача её в ведение земельных комитетов) и провозгласить условия мира с предложением немедленных переговоров. Меньшевик Фёдор Дан (и что характерно) эсер Гоц (тот самый Гоц, который ещё несколько месяцев назад убеждал Чёрнова в необходимости коалиции и на Демсовещании поддержал эту коалицию со наивным условием,

что она примет программу 14 августа) убеждали Керенского, что нужно немедленно поддержать решение Предпарламента и расплектить его по всему Петрограду. Только это давало шанс перехватить у большевиков политическую инициативу (впрочем, даже Дан признал, что, возможно, было уже поздно). Керенский слушал посланников социалистических фракций Предпарламента с раздражением — они отвлекали его от того, чтобы подавить большевиков². Премьер-министр не замечал, что опирается на пустоту.

Революция разворачивалась на путь диктатуры коммунистов, оставил урок для реформаторов: если у вас такие кричания социальных проблем в стране, языки нужно лечить как можно скорее. Нельзя с этим ждать. Нельзя искать компромиссов с капиталом до бесконечности, когда в стране бедствуют миллионы. Не будете лечить болезнь терапевтически, придёт более радикальные силы и примутся лечить хирургическим путём...

При оформлении статьи использованы экспонаты выставки «Петр Оун. ПРОстранство революции: Россия, 1917–1941».

Примечания

1. Единство. 1917. 5 апреля. Информационное сообщение.
2. Плаканов Г. В. Год на Родине. Париж, 1929. С. 214–215.
3. Лавров В. М. «Крестьянский парламент» России. (Всероссийские съезды советов крестьянских депутатов в 1917–1918 годах). М. 1996. С. 44.
4. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Документы и материалы. Т. 3. М. 2003. С. 57.
5. Там же. С. 89–92.
6. Там же. С. 93.
7. Цит. по: Элаказов Г. И. Меньшевистско-демократический ВЦИК Советов в 1917 г. М. 1997. С. 174.

8. Быховский Н. Я. Всероссийский Совет крестьянских депутатов в 1917 г. М. 1929. С. 47–48.
9. Чернов В. М. Перед бурей. М. 1993. С. 326.
10. Там же. С. 321.
11. Лавров В. М. Указ. соч. С. 118.
12. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1. М. 2000. С. 647.
13. Там же. С. 757.
14. Там же. С. 761.
15. Там же. С. 749.
16. Подробнее см.: Шубин А. В. Мифы Февральской революции //Февральская революция и масоны. М. 2007.
17. Подробнее см.: Рабинович А.

- Кровавые дни. М. 1992; Шубин А. В. 10 мифов советской страны. М. 2006.
18. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Т. 4. С. 248.
19. Там же. С. 246.
20. Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 221–222.
21. Чернов В. М. Указ. соч. С. 335–336.
22. Петроградский совет... Т. 4. С. 335.
23. Руднева С. Е. Демократическое сознание. Сентябрь 1917 г. История форума. С. 206.
24. См.: Да Ф. К истории последних дней Временного правительства //Петроградская революция. Т. 1. Берлин. 1923.